

Учитесь глупости человеческих отношений

Культура. — 1998. — 26 марта. — 1 стр. — 912
Анатолий Адоскин о времени и о себе

Актер и литератор, педагог и режиссер Анатолий АДОСКИН — из тех представителей театрального мира, которые ценят служение искусству больше, чем собственное благополучие.

— Анатолий Михайлович, что вы думаете о юбилеях вообще и о 75-летию Театра имени Моссовета, в частности?

— Я ставлюсь к любой публичности. Я в этом смысле выродок, но ничего не могу с собой поделать. Не люблю рассказывать о себе, не люблю слушать, когда мои коллеги со сцены или экрана травят байки про свою личную жизнь. И не люблю подобных праздников, потому что они всегда не слишком правдивы.

Вот мы всем театром дожили до юбилея. Дата заставляет, хотим мы этого или нет, понять что-то важное про самих себя. И от этого никуда не деться. Надо оглянуться, хотя делать это всегда очень страшно, и часто бывает, что и не на что. Это мучительно трудно, потому что все в жизни, и в театре непросто...

— Ваши отношения с Театром имени Моссовета складывались довольно драматично?

— Пожалуй. Я ушел из театра в поисках чего-то лучшего, работал в других коллективах, на телевидении, потом снова вернулся, поверженный, и был, наверное, похож на блудного сына с полотна Рембрандта. Но Юрий Александрович Завадский простил меня и принял обратно.

В Театре имени Моссовета я оказался рано, лет в пятнадцать. Пришел сюда в 1943 году и стал очень ценным кадром, так как мальчиков совсем не было: шла война. Я подделал документы, добавив себе год, и был принят в драматическую студию. В то время труппа театра была великодушная — Астангов, Оленин, Названов, Мордвинов, Марацкая. Они играли роли, а мы производили шум за сценой — били в барабаны, колотушки. Я и Анатолий Эфрос были заняты в шумах в "Чайке". Это значит, что мы с ним в сцене, когда на озере шло объяснение в любви Нины и Тригорина, сидели на коротышках за огромным буфетным кушетом и по сигналу лампочки делали "фр-р-р", изображая стайку взлетевших птиц. С Эфросом мы познакомились в драмкружке и таким вот образом влились в Театр имени Моссовета. Постепенно мы оба вошли в театральную жизнь и стали играть маленькие роли у Завадского, руководившего театром в ту далекую пору. Это забываемое...

— О Завадском сегодня не так часто вспоминают. Кто-то считает его не слишком сильным режиссером, кто-то до сих пор осуждает за творческие уступ-

ки, за репертурную политику, крепко связанную с существовавшим режимом. Как вы, будучи молодым человеком, воспринимали Юрия Александровича?

— Личность Завадского удивительная. Можно по-разному относиться к его творчеству, особенно в последние годы, но индивидуальность была уникальной. Он нес с собой культуру, великую, уходящую, к которой нам удалось прикоснуться. Но с уходом великих стариков, среди которых он был самым мощным, что-то оборвалось в нашем театре. Я немножко с ним работал... Был максималистом. Я безумно осуждал его и театр за то, что на сцене идут бездарные пьесы просоветской эпохи, в один момент не смог этого вынести и ушел из театра. Конечно, я тогда не понимал, что старики таким образом держат театр, что они все равно гениально играли, этим отстаивают право на познание Вахтанговцев, любил внешнюю яркость, остроту, любил грим, костюм. Но тогда Юрий Александрович не мог ставить так, как хотел. Я застал сталинский стиль — pompезный, мертвый, ходульный, который был изжит и уничтожен молодыми Эфросом и Ефремовым, был сметен другим эстетическим потоком, который в борьбе со старыми формами как бы изгнал из театра все театральное. Я любил участвовать в спектаклях по пьесам Лопе де Вега, Гоцци, Шекспира, любил приду-

мысли, что, кроме стремления к профессиональной высоте, кроме дела, которому ты служишь, должна быть еще и человеческая общность. Тем более что наши победы часто бывают мнимыми. Ведь никто с уверенностью не может ответить на вопрос, что важнее — искусство или жизнь.

Вспоминая бывший Театр имени Моссовета, можно ему поклониться. И мои успехи не в том, что я сыграл, а в том, с кем я встречался и был дружен. Сейчас я сижу в примерной Фаины Георгиевны Раневской, часто вспоминаю ее и благодарен за то, что она сформировала меня, научила относиться к жизни, как к великому дару.

— Театр имени Моссовета пережил влияние разных направлений и стилей. Как вам кажется, он менялся или ломался?

— С моей точки зрения, Завадский сильно поломало время. Он великолепно чувствовал протек, будучи вахтанговцем, любил внешнюю яркость, остроту, любил грим, костюм. Но тогда Юрий Александрович не мог ставить так, как хотел. Я застал сталинский стиль — pompезный, мертвый, ходульный, который был изжит и уничтожен молодыми Эфросом и Ефремовым, был сметен другим эстетическим потоком, который в борьбе со старыми формами как бы изгнал из театра все театральное. Я любил участвовать в спектаклях по пьесам Лопе де Вега, Гоцци, Шекспира, любил приду-

Сцена из спектакля "Московское знездо".
Манцев — А.Адоскин

мывать новый грим, носить красивые костюмы. Любил меняться до неузнаваемости, надевал "толщину" (толпы никто не знает, что это такое), охотил (фигурал, танцевал, прыгал и прочее. Мы играли по соткам спектаклей в месяц, и, когда закончился сезон, я был на грани нервного истощения. Сейчас театр похож на дом отдыха. В этом сезоне мы репетировали Шеридана, и я видел, с каким трудом возвращается к нам театральность во всех ее аспектах. Как трудно она пробивается через "неореализм", заложенный в молодом и среднем поколении. Они с трудом улавливают остроту стиля, боятся проявления внешней характеристики, боятся костюма, грима, необычных жестов, голосовых возможностей. Они очень хотят оставаться самими собой, а может быть, уже и не умеют быть другими.

— Вы всегда были плотно заняты в репертуре и тем не менее находили время заниматься литературными композициями на телевидении.

— Я испытывал и испытываю потребность в поэзии. В любой форме. Любовь к звучащему слову мне привила удивительная женщина — Елизавета Яковлевна Эфрон, сестра мужа Цветаевой. Она вела у нас в студии художественное слово, познакомила меня с Дмитрием Николаевичем Журавлевым, водела в гости к вдове Бальмонта. Я увлекся поэзией и сделал свои композиции

по Пушкину, Чаадаеву, Кюкельбекеру, поняв, что мы часто слышим много привнесено от себя, а не раскрытым образом, сочиненный поэтом. Умение прислушаться к слову, никак его не раскрывая было заложено именно в эти месяцы в Эфрон и Журавлевым. Так работать я постарался в спектакле нашего театра "Желтый ангел", который поставил молодой Андрей Житинкин.

— Сегодня вы преподаете в Школе-студии МХАТ. Что вам кажется главным в отношениях с молодым поколением, ведь кто-то из них, может быть, придет в Театр имени Моссовета?

— Я очень устаю оттого, что они смотрят на меня с каким-то пиететом. Это меня угнетает и настораживает. Мне самому в юности внушили слишком много идеального, может быть, поэтому я не считаю, что моя судьба сложилась удачно. Все мы, даже самые знаменитые, считаем себя неудачниками. Мне обидно, что они не относятся к театру с уважением, позволяют себе опаздывать, заниматься какими-то посторонними делами. А я, в свою очередь, не могу делать им замечаний, не могу себе этого позволить! Смогу ли я научить их ремеслу, если они сами этого не захотят? Вряд ли... Мне же хотелось бы научить их глупости человеческих отношений, счастья общения друг с другом.

Беседу вело
Жанна ФИЛАТОВА